АНТРАКТЪ.

№ 1.

Содержаніе: отъ редакціи.—Елка, фантастическая шутка Не поэта.—Смѣсь.

Редакція «Антракта» предполагаетъ издавать эту газету въ текущемъ году отдѣльно отъ афишъ и притомъ не ежедневно, а еженедѣльно, на что ожидается разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати. О подробностяхъ будетъ объявлено особо.

Е Л К А.

Фантастическая шутка.

Какое торжество Москвѣ готовить всей
На первый день родившагося года
Большой театр? Къ чему у всѣхъ его дверей
Стоять толпа шумяшаго народа?
Изъ подъ Дѣвьяго, отъ городскихъ валовъ,
Сошелся овъ со всѣхъ концовъ столицы.
Какихъ нѣтъ шапокъ, шляпъ на тысячахъ головъ?
Тутъ смѣшаны перчатки, рукавицы,
Тулузы съ шубами... Тутъ люди разныхъ лѣтъ:
И старъ и малъ... Чего-же всѣмъ имъ надо?...
Суббота — потому спектаклей, зрѣлищъ нѣтъ,
И также нѣтъ въ театрѣ маскарада.
Двѣнадцать ужъ часовъ на Спасской башнѣ бьетъ.
Конца нѣтъ толкамъ, разговорамъ
И къ залѣ зрительной густой толпой идетъ
Народъ по всѣмъ широкимъ корридорамъ.

Какое зрѣлище предъ очи

Театра залъ представилъ мнѣ!
Подъ мрачной ризой полуночи,
При духотѣ и толкотнѣ,
Глазъ ничего не различаетъ,
Толпа растетъ все, прибываетъ,
И вотъ ужъ мѣстъ свободныхъ нѣтъ.
Шумъ, крики, говоръ, восклицанья.
Томится все отъ ожиданья.
Но вотъ вдали мерцаетъ свѣтъ
И, словно молніи Перуна,
Огни химическіе Купа
По ниткамъ всюду понеслись,
Въ одно мгновеніе, проворно
Рожки и свѣчи «а giorno»
Во всѣхъ концахъ какъ разъ зажглись
У ложъ, по всѣмъ ихъ паркетамъ,
Необычайно яркимъ свѣтомъ
Пространство залы залплось.
Все вдругъ притихло, унялось.

Торжественнымъ сцена весельемъ шумитъ.
Шестро отъ костюмовъ нарядныхъ.

Источникъ веселья, въ среднѣ стоятъ
Тамъ елка размѣровъ громадныхъ.
Затѣйливо, странно, смѣшно убрана,
Касается паддугъ верхушкой она —
И множество разныхъ доспѣховъ,
Знаменъ и другихъ бутафорскихъ вещей
Висятъ въ изобильи великомъ на ней
Среди золоченыхъ орѣховъ.
Выходитъ синьоръ поплихъ уже дѣтъ.
Онъ радъ, улыбается ѣдко
И юношей смотритъ. Воздушно одѣтъ:
На немъ шерстяная жакетка,
И воротъ рубашки отложенъ до плечъ,
И дудочкой брюки. Вотъ держитъ онъ рѣчь.
Должно быть, изъ сильныхъ онъ въ мѣрѣ.
Все смолкло и ждетъ, чѣмъ синьоръ подаритъ.
О чемъ же, махая рукой, говоритъ
Синьоръ на торжественномъ пирѣ?

СНЬБОРЪ.

Госпожи и господа!
Пригласилъ я васъ сюда,
Чтобъ рѣшить вопросъ вамъ спорный,
Сообщить отраднѣй фактъ:
Прекращается Антрактъ,
Этотъ маленькій и вздорный.
Но назойливый, задорный
Театральный нашъ листокъ.
Онъ, положимъ, не кусался,
Не бранился, не ругался,
Но ко всѣмъ къ намъ былъ жестокъ,
Надо всѣмъ издѣвался,
Всѣмъ покоя не давалъ
И ко всѣмъ къ намъ приставалъ.
Надо всѣмъ трунилъ бывало
И куда ужъ какъ немало
Надоблѣ всѣмъ, насолплъ
Въ эти два злосчастныхъ года.
Накопецъ лишился силъ.
Господа! Просторъ, свобода
Впереди опять насъ ждетъ.
Какъ по маслу, жизнь пойдетъ
Безпечно, беззаботно.
Я увѣренъ, вы охотно
Отпируете со мной

Безъ шутки

Здѣсь Антракта погребенье.
Начинайте жь пляски, пѣнье!...
Зададимъ мы пиръ горой.
Разбирайте елку эту!
По подарку, по предмету
Каждый можетъ получить,
Но обязанъ возвратитъ
Въ бутафорскую, откуда
Все взято сюда покуда.
Позабудемъ все пока!
Пусть кричатъ, что нѣтъ въ насъ такта!
Наша радость велика:
Нѣтъ Антракта! Нѣтъ Антракта!

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

Да, не вѣрится все какъ то:
Неужли Антракта нѣтъ
И мы его справляемъ погребенье?

ДРУГИЕ ГОЛОСА.

«Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣнье?
«Объ этомъ знаетъ цѣлый свѣтъ».

ТРЕТЬИ ГОЛОСА.

Нѣтъ Антракта! Такъ-ли?

СИНЬОРЪ.

Право.

ЧЕТВЕРТЫЕ ГОЛОСА.

Нѣтъ Антракта! Браво! Браво!
Плохо вѣрится ушамъ!

ПЯТЫЕ ГОЛОСА.

Нѣтъ Антракта! Прелесть! Чудо!

ДВА, ТРИ ГОЛОСА.

Нѣтъ Антракта! Плохо! Худо!

Нѣсколько слабыхъ голосовъ *(вдали)*.

Нѣтъ Антракта! Горе намъ!

СИНЬОРЪ.

Кто Антрактъ жалѣетъ тамъ?

ГОЛОСА.

Да, должно быть, машинисты.
Вотъ примѣрные артисты!
Къ нимъ Антрактъ благоволилъ,
Онъ нерѣдко ихъ хвалилъ
И дни съ большимъ вниманьемъ
Относились къ замѣчаньямъ
И совѣтамъ всѣмъ его.

ДРУГИЕ ГОЛОСА *(указывая въ глубину сцены)*.

А вонъ тамъ — смѣшнѣй всего —
Удираютъ за кулисы
Бенедикты, Беатрисы:
Знать, не по сердцу пришлось!
Проживемъ безъ нихъ авось!
Всѣ Пардллесы, Елены
Утекаютъ съ нашей сцены.
Съ Богомъ! Добраго пути!

ТОЛПА ПЕРЕВОДЧИКОВЪ.

Нѣтъ Антракта! Ну, кути!
Чрезъ Готье, Рено и Круга
Мелодрамъ французскихъ много
Мы повыпишемъ сейчасъ.
Въ комитетъ пойдутъ отъ насъ
Передѣлки, переводы.
У дирекціи доходы
Увеличатся какъ разъ.
Съ проспективной малой платы
Скоро станемъ мы богаты.
Настаетъ счастливый годъ,
Благоприятнѣйшее время!
Пусть мы на сценѣ въ ходъ
Снова плаунное сѣмя.
Да отъ радости такой
Внизъ заходишь головой!

(Начинаютъ кувыркатся и ходить къ верху ногами).

АВТОРЫ «ОРИГИНАЛЬНЫХЪ» ПІЕСЪ.

Нѣтъ Антракта! Насъ уснѣхи
Ждутъ опять. Намъ нѣтъ помѣхи
Жизнь обкрадывать тайкомъ
И на сцену цѣликомъ
Брать, что только попадется.
Вдругъ, откуда ни возьмется,
Цѣлый рядъ большихъ піесъ,
Пяти-актныхъ, натуральныхъ
И вполне оригинальныхъ.
Современный интересъ
Мы придать имъ ухитримся
И напустимъ въ нихъ какъ разъ
Кучу громкихъ словъ и фразъ.
Никого мы не боимся!
Станемъ мы порокъ карать,
Надрываться и орать.
Неподкупны мы, суровы,
Мы страшнѣй, чѣмъ лютый звѣрь....
Биться съ радости готовы
Лбами объ стѣну теперь.

(Подходятъ къ стѣнамъ и ударяются лбами).

СТАРИШНЫ АРТИСТИЧЕСКАГО КРУЖКА.

Нѣтъ Антракта! Мы опять
Станемъ шарикъ катать,
Дѣлать членамъ сортировку;
Мы опять баллотировку
Дѣлать всѣмъ Кружкомъ начнемъ
И закрыто и открыто:
Какъ удобнѣе найдемъ.
Будетъ шито все и крыто:
Будетъ некому кричать,
Негдѣ будетъ обличать
Наши всѣ распоряженья,
Отъ устава отступленья.
А свои не страшны намъ:
Не перечать старшинамъ;
Наши члены молчаливы
И послушны, терпѣливы,
Тучи нѣтъ, пронесся градъ!
Наши бури миновались!
Мы отлично отмолчались.
Все пойдетъ у насъ на ладъ:

Домяно-лото и чтеья,—
И кулачныя внушенья...
Смерть Антракта—просто кладь!
Подъ собой мы ногъ не чуемъ.
Ну, давайте-жь, протанцуемъ
Новый тавецъ. Станемъ въ рядъ.
(Танцуютъ новое «grand pas des balles noires et blanches»,
сочиненное и поставленное однимъ изъ старшинъ;
особенность этого танца заключается въ томъ, что
танцующіе перебрасываются шариками.)

АКТЕРЫ ЛЮБИТЕЛИ.

Нѣтъ Антракта! Полно, такъ-ли?
Ухъ, какіе же спектакли
Зададимъ мы—просто страсть!
Поиграемъ вдоволь, всласть!
Мы на пьесахъ, всѣмъ извѣстныхъ,
Что для зрителей воскресныхъ
Лишь рѣшаются давать,
Станемъ руку набивать;
Станемъ мы дразнить актеровъ
И, большихъ не зная сборовъ,
Будемъ лавры пожинать.
Эй друзья! Секретаревцы!
Вшивогорцы, Шепелевцы!
Радость наша велика!
Руки всѣ скорѣй въ бока
И ударимтесь въ присядку!
(Начинаютъ плясать и выдѣлывать ногами козыри.)

СИНЬОРЪ.

Господа! Я васъ къ порядку
Долженъ буду пригласить.
Я хочу васъ попросить
Отъ восторговъ посдержаться,
На мгновеніе уняться.
Для торжественнаго дня,
Вижу я, вокругъ меня
Все ликуетъ, все довольно,
Веселятся на заказъ;
Но смущается невольню,
Признаюсь, мой зоркій глазъ,
Какъ на залъ взгляну. Досадно!
Всѣ рвались въ театръ такъ жадно,
Зала публикой полна,
Но безмолвствуетъ она;
Къ нашимъ радостямъ, веселью
Остается холодна.
А межъ тѣмъ вѣдь нашей цѣлью
Было публику занять.
Такъ давайте-жь сочинять
Для нея мы развлеченье.
Скажемъ длинную къ ней рѣчь,
Иль дадимъ ей представленье.
Мы должны ее увлечь.
Что вы скажете, актеры?

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА.

Ахъ, оставьте ваши вздоры!
Мы устали безъ того,
Намъ покой нужнѣй всего.
Такъ оставьте-жь насъ въ покоѣ.
Что мы можемъ дать такое?
Чтонибудь изъ новыхъ драмъ?

Ихъ играть вѣдь просто срамъ.
Старыхъ годныхъ пьесъ такъ мало....
Силъ для нихъ у насъ не стало.
Развѣ вотъ что: разыграть
Водевиль намъ безъ куплетовъ;
Въ водевилѣ можно врать....
Впрочемъ, жалобъ и совѣтовъ
Мы ужъ слушать не хотимъ.
Обращайтесь-ка къ другимъ.

СИНЬОРЪ.

Вы что скажете, танцоры?

БАЛЕТЪ.

Оставьте затѣя всѣ ваши и вздоры!
На выдумки очень, я вижу, вы скоры.
Ну что мы дадимъ имъ? На новый балетъ
У насъ теперь денегъ рѣшительно нѣтъ;
А старыя всѣмъ ужъ давно надоѣли
И братья за нихъ ни причинъ нѣтъ, ни цѣли;
Наскучили публикѣ разныя па.
Она ихъ не смотритъ, она къ нимъ слѣпа,
Она холоднѣе теперь и къ канкану....
Нѣтъ, я занимать ее больше не стану.
Она равнодушна къ заманкамъ моимъ.
Извольте скорѣй обратиться къ другимъ!

СИНЬОРЪ.

Ну, опера, хоры?

О П Е Р А.

Оставьте-ка вздоры!
Отъ пѣнья я—пасъ,
Хоть золота горы
Давайте сейчасъ.
Идутъ *Гугеноты*, —
Надъ ними я бьюсь,
Труднѣйшія ноты
Твержу и боюсь...
На нихъ возлагаю
Надежду мою,
А, право, не знаю,
Какъ я ихъ спою.
Ну, словомъ, короче
Скажу, не солгу —
(на ухо синьору)
Mi mapsa la voce,
Я иѣтъ не могу.

СИНЬОРЪ.

Въ резервѣ авторы остались,
На нихъ надежда вся моя.

А В Т О Р Ы.

Нѣтъ, мы устали, исписались.

СИНЬОРЪ.

Неужто всѣ? (къ одному изъ авторовъ, стоящему
впереди другихъ).

И вы?

А В Т О Р Ъ.

И я.
Да и о чемъ писать, скажите?
На что ни плюньте, ни взгляните,

Ужъ обо всемъ давнымъ-давно
 На всѣ лады говорено.
 А на одномъ топтаться мѣстѣ
 Вѣдь, согласитесь, мало чести.
 Снаружи мѣръ куда не новѣ!
 Ну, а до жизненныхъ основъ
 Не доберешься: путь опасный!
 И трудъ-то, кажется, напрасный:
 Прощешь дно, гдѣ нѣту дна.
 Нѣтъ, эта штука намъ трудна!
 Какъ разъ вѣдь дашься тутъ обману!
 Теперь ужъ больше я не стану
 (Пускай лѣбится прослыву)
 Писать пѣсы на яву.

СИНЬОРЪ.

Да развѣ иначе-то можно?
 Во снѣ все призрачно и ложно....

АВТОРЪ.

Не отзываетесь такъ про сонъ,
 Подарокъ тебѣ лучшій онъ.
 Въ немъ содержанія немало
 И больше жизни матерьяла,
 Повѣрьте мнѣ, онъ намъ дастъ.
 Какихъ картинъ не создаетъ
 Во снѣ для насъ воображенъ!
 Сонъ—макрокосмъ, въ немъ отраженъ
 Себѣ находитъ жизнь души.
 Нѣтъ, сны роскошно-хороши!

СИНЬОРЪ.

Такъ поскорѣ же усните
 И что увидите во снѣ,
 Вы намъ, проснувшись, расскажите
 Довольны будутъ всѣ волюнѣ.

АВТОРЪ.

Ну, хорошо. Такъ прикажите
 Сюда диванъ поставить мнѣ.

СИНЬОРЪ (бутафоранъ).

Изъ «Сатаниллы» принесите
 Скорѣй сюда диванъ большой,
 Въ восточномъ вкусѣ, золотой:
 Онъ механической, съ проваломъ.
 Пружинны смажьте масломъ, саломъ,
 Чтобъ опускалось лучше дно. —
 Все это ново такъ, чудно,
 Что, ождая пробужденья,
 Сойду съ ума отъ нетерпѣнья.

(Приноситъ сдѣланный посижали диванъ, въ которомъ обыкновенно исчезаетъ Сатанилла, въ последнемъ дѣйствіи этого балѣта).

Вотъ и диванъ ужъ принесенъ.
 Да осѣнитъ васъ крѣпкій сонъ!
 Понаберитесь впечатлѣній
 И разсмѣшите насъ до слезъ.

ГОЛОСА ОКРУЖАЮЩИХЪ ДИВАНЪ.

Желаемъ сладкихъ сновидѣній.
 Желаемъ вамъ пріятныхъ грезъ!

(Авторъ ложится на диванъ; бутафоры плмуть пружину и авторъ проваливается внутрь дивана).

СИНЬОРЪ.

Пока нашъ авторъ почиваетъ,
 Диванъ оставимъ къ сторонѣ.
 (Относятъ диванъ въ сторону).

Теперь насъ елка ожидаетъ.
 Прошу васъ, господа, ко мнѣ
 Всѣхъ подходить поочередно.
 Кому же первому угодно?

ДВѢ ТѢМН: МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ.

Красногоровъ я.—Я Сара.—
 Русскій я, она цыганка.
 Мы сошлись съ ней, мы съ ней пара;
 Я тиранъ, она тиранка.
 Вотъ два года будетъ скоро,
 Какъ любовью мы пылаемъ
 И широкія озера
 Отъ любви переплываемъ.
 Какъ бы ни было глубоко, зхайшад
 Утонуть мы не страшались;
 Оба, между тѣмъ, у Гока
 Вовсе плавать не учились!
 На послѣдней мы ступени,
 Шагъ одинъ до пистолетовъ.
 Свѣта нѣтъ въ насъ, мы лишь тѣни
 Отъ невѣдомыхъ предметовъ.

СИНЬОРЪ.

О, на васъ смотрѣть ужасно!
 Вы въ любви богатыри!
 Вотъ бычачьи пузыри.

(Достаетъ съ елки и подаетъ или двѣ пары плавающихъ пузырей).

Съ ними будетъ безопасно
 Рыбкѣ вамъ переплывать.
 Только вамъ не одобровать:
 Вы на сценѣ такъ нырнули,
 Что почти ужъ утонули.

(Г. Кузь изъ за кулисъ наводитъ на фигуры струю электрическаго свѣта, — тѣни исчезаютъ).

ДЕРЕВЯННАЯ ТОПОРНОЙ РАБОТЫ ФИГУРА ВЪ КОСТЮМѢ

КОНЬКОБЪЖДА.

Изъ породы я двуногихъ,
 Имя мнѣ: Одинъ изъ многихъ.
 Донъ Жуанъ я: тутъ и тамъ
 Обольщаю дѣвъ и дамъ,
 Торжествую, наслаждаюсь
 И, какъ въ маслѣ сырѣ, катаюсь.
 Красногорскій—злой мой врагъ
 Сталъ слѣдить мой каждый шагъ;
 Но онъ врагъ такой пріятный,
 Неопасный, делкатный:
 На дуэль не позоветъ,
 Не ругается, не бьетъ;
 Только письма отнимаетъ,
 Да душевно презируетъ.
 Не боюсь его ни чуть,
 Дамамъ, дѣвамъ строю глазки..

СИНБОРЪ.

Путь вашъ—самый скользяй путь,
Вамъ хорошия салазки
Не мѣшало-бъ приобрести.
Вотъ одинъ для васъ тутъ есть.

(Снимаетъ съ елки и подаетъ деревянной фигурѣ салазки).

На конькахъ вы поскользнулись,
Жизнь свою не берегли;
Такъ на сценѣ растянулись,
Что и встать ужъ не могли.
За салазки принимайтесь;
Мы посмотримъ все на васъ.
Вамъ какъ разъ салазки въ пору.

(Бутафорамъ).

Изъ «Волшебной флейты» гору
Принести сюда сейчасъ.

(Изъ за кулисъ выдвигаютъ гору, деревянная фигура начинаетъ упражняться въ катаньи съ горы).
ВОЛЬНООТПУЩЕННЫЙ МУЗЫКАНТЪ И ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ДОЧКА
(несутся въ пространство, легко окутанные тюлевыми покрываломъ; иль въ упоръ изъ за кулисъ дуетъ сильный вѣтеръ; лѣвыя руки ихъ прорѣзываютъ воздухъ; правыми они направляютъ друга на друга пистолеты).

Гришей и Машей

Все насъ зовутъ

Связи же нашей

Не разорвутъ.

Мы здѣсь живемъ,

Какъ исключенья,

Вѣчно плывемъ

Противъ теченья.

Одинъ намъ гробъ:

Смерть вмѣстѣ встрѣтимъ,

Другъ другу мѣтимъ

Пулей мы въ лобъ.

СИНБОРЪ.

Право, мы вамъ очень рады,
Принеслись вы въ добрый часъ.
Только вотъ что: вѣдь заряды
Въ пистолетахъ-то у васъ
Ужъ, навѣрно, холостые,—
Чтобъ другъ друга лишь пугать;
Даже надо полагать,
Что стволы совсѣмъ пустые.
Мы вамъ можемъ услужить:
Чтобъ сильнѣе вы струхнули,
Настоящія двѣ пули
Мы намѣрены вложить
Тотчасъ въ ваши пистолеты.

(Беретъ у нихъ пистолеты и заряжаетъ).

Слишкомъ вы легко одѣты,
Жизнь свою такъ не беречь—
Безразсудно, даже глупо.
Бутафоры! Ихъ облечь
Надо въ эти два тулупа?

(Снимаетъ съ елки тулупы и сапоги).

Вотъ для вашихъ голыхъ ногъ
Пара валеныхъ сапогъ.

(Бутафоры одѣваютъ ихъ).

Ну, вотъ эдакъ и отлично:

И удобно, и прилично.

(Вольноотпущенный музыкантъ и генеральская дочка хотятъ летѣть, но не могутъ отъ тяжести надѣтыхъ на нихъ костюмовъ; ихъ поднимаютъ на веревкахъ, опущенныхъ съ паллуды; заряженные пистолеты выпадаютъ у нихъ изъ рукъ).

ДВА ЛАВОЧНИКА: КВАСОВЪ И РЪШЕТОВЪ

(идутъ съ разныхъ сторонъ сцены и сходятся у елки; у обоихъ въ рукахъ по два мѣшка съ мукою, кафтаны выпачканы въ муку).

РЪШЕТОВЪ.

Пріятель дорогой! Здорово! Гдѣ ты былъ?

КВАСОВЪ.

Въ архивѣ, милый другъ. Лѣтъ десять тамъ
валялся,

Весь запылится, весь измялся.

Какъ это обо мнѣ совсѣмъ ты не забылъ?

РЪШЕТОВЪ.

Какъ позабыть? Ты безобразникъ,
Большой ругатель былъ, нахаль....

КВАСОВЪ.

Да и теперь не лучше сталъ.
Такой же, братъ, купецъ-лабазникъ,
Ругаюсь съ зятемъ на поваль.

РЪШЕТОВЪ.

Ну, нѣтъ, меня Господь въискалъ.
Вѣдь мы, братъ, съ сыномъ Гаврилкомъ
Науку всю произшли.

КВАСОВЪ.

Какого-жъ бѣса въ ней нашли?
Въ калачный рядъ съ суковнымъ рыломъ
Туда-же сунулись. Ну что-жъ?

РЪШЕТОВЪ.

Да что, братъ, пронимаетъ дрожь,
Какъ вспомнишь, что мы натворили!
Мы дочь у графа уморили!
За то послушай, голова,
Какія знаемъ мы слова!

Отмѣнная! Какихъ бы разговоровъ

Ты понаслушался у насъ!

Ученыхъ все людей мы держимъ про запасъ.

Вотъ перво-на-перво Егоровъ.

Душа — не человѣкъ, искусникъ для всего:

Бѣсть, плакать, пить, болтать; жаль, къ дѣлу нѣтъ
его....

КВАСОВЪ.

Одначе будетъ намъ болтаться.

Чтобъ безъ подачки не остаться!

(Подходитъ къ елкѣ.)

СИНЬОРЪ.

(Снимаетъ съ елки и подаетъ имъ дѣтъ огромныя связки.)

Вотъ вамъ по связкѣ старыхъ пьесъ,
Въ нихъ толку нѣтъ, великъ лишь вѣсъ.
Вы ихъ па мельницу свезяте
И тамъ сквозь жерновъ пропустите.
Чѣмъ пропадать и гнить имъ зря,
Пусть ихъ помельче бѣ искрошило,
Чтобъ, вмѣсто снѣга, можно было
Ихъ сыпать въ «Жизни за царя».

КВАСОВЪ.

Что-жъ, важность тутъ не велика;
Теперь-же нѣтъ работы: праздникъ.
На то я и кутецъ-лабазникъ.

РЪШЕТОВЪ.

А перемелется — такъ будеть все мука.

НЕУКЛЮЖІЙ ДОМЪ (прыгаетъ и мечется, стоя голыми, грубыми ногами на горячей сковородѣ, которая на колесахъ подъезжаетъ къ елкѣ; подъ сковородой едва теплится спиртовая лампочка.)

Домикъ я малый,
Дворъ постоялый;
За то во мнѣ
Много таится,
Много творится,
Все въ тишинѣ.
Плачь и рыданья,
Лепетъ свиданья
Слышатся сплошь;
Бздитъ Безсудный
На подвигъ трудный,
Все на грабежъ.

СИНЬОРЪ.

Что-жъ ни мгновенья
Ты безъ движенья
Не постоишь?
Мечешься, бьешься,
Прыгаешь, рвешься,
Юлой юлишь?

НЕУКЛЮЖІЙ ДОМЪ.

Вы не труните;
Лучше войдите
Въ участь мою!
Сказать по чести,
На бойкомъ мнѣ
Я вѣдь стою. (Показываетъ на сковороду.)

СИНЬОРЪ.

Да, положенье —
Мое почтенье!
Не первый сортъ.
Даю охотно
Съ подошвой плотной
Пару ботфорты.

(Снимаетъ съ елки старыя ботфорты съ Марса изъ «Орфея въ аду».)

Жаль намъ сердечно!
Впрочемъ, не вѣчно
Тебѣ скакать.

(Показываетъ на вислицу подъ сковородой лампочку.)

Спирта ужъ мало,
Лампочка стала

Вонъ потухать.

(Неуклюжий домъ надъвигаетъ на ноги ботфорты; сковорода отъезжаетъ дальше.)

Къ елкѣ подкатывается большая реторта, внутри которой расхаживаетъ длинная лучина въ ночномъ чепцѣ и спальномъ капотѣ.

ЛУЧИНА (глухо, изъ глубины реторты.)

Прежде я была дѣвица,
Вѣлотѣла, круглолица.
Не пошла за старика;—
Ну, бѣда-бѣ не велика!
Да попалась къ молодому,
Къ злomu, къ гадкому такому.
Онъ меня сперва любилъ,
А потомъ и погубилъ.
Подыскалъ себѣ красотку,
А меня вогналъ въ чахотку.
Въ этомъ видѣ вдругъ меня
Подхватилъ средь бѣла дня
И впустилъ въ реторту эту
Тамъ какой-то изъ писакъ.
Вотъ попалась я въ просакъ!
Сталъ таскать меня по свѣту.
Въ Петербургѣ комитетъ
Наложить хотѣлъ запретъ,
Да оставилъ. Вдругъ реторту
(Всѣхъ клянупу, всѣхъ шлю я къ черту!)
Выставляютъ на показъ,
Чтобъ смотрѣли сотни глазъ,
Какъ меня ошельмовали.
Такъ не всякій угодитъ
Изъ огня, да въ пламя, въ пекло.

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

«Сколько бодрыхъ жизнь поблекла!
«Сколько низкихъ рокъ щадить?»

СИНЬОРЪ.

Участь ваша такъ жалка!
Освѣжиться бы вамъ надо
Хоть водою водопада
Изъ «Волшебнаго стрѣлка.»
Въ немъ помыться можно-бъ было...
Вотъ казакское вамъ мыло.

(Снимаетъ съ елки и бросаетъ въ реторту кусокъ мыла; лучина дѣлаетъ книжсентъ; реторта укатывается; вдали слышенъ шумъ водопада.)
СТЕКЛЯННАЯ ФИГУРКА КУРНОСАГО ЮНОШИ ВЪ КУРТКѢ.
(катится на мыльномъ пузырьѣ.)

Хочу труда! Хочу труда!
Вѣдь челоуѣкъ на трудъ родится.
И безъ труда жизнь никуда
Ни къ чорту, право, не годится.
Богатъ, кто трудъ имѣетъ свой;

Гдѣ нѣтъ труда, тамъ все такъ скудно.
 Какъ сладокъ жлѣбъ мнѣ трудовой!..
 Мнѣ сладко все, гдѣ трудъ, что трудно.
 Когда пойдутъ съ женой у насъ
 Свои ребята, мы ихъ сами
 Учить не будемъ, а сейчасъ
 Ихъ нянькамъ всѣхъ сдадимъ руками.
 Нѣтъ, на своихъ дѣтей мы съ ней
 Не будемъ тратить и вниманья;
 За трудъ возьмемся воспитанья
 Чужихъ дѣтей, чужихъ дѣтей.
 Ужъ лучше броситься нѣ картежъ,
 Чѣмъ на своихъ дѣтей класть время;
 Чужихъ учить — вотъ трудъ, не бремя:
 Такъ разсуждаетъ молодежь.

СПИНОГЪ.

Вамъ предложу я два подарка.
 (Снимаетъ съ елки обыкновенно употребляющійся
 на сценѣ факелъ съ вставленными въ него сте-
 ариновыми огарками.)

Вотъ факелъ вамъ. Пусть озарятъ
 Идеи ваши миръ такъ ярко,
 Какъ эти три свѣчныхъ огарка
 Въ казенномъ факелѣ горятъ.

(Достаетъ съ елки тетрадь.)

Вотъ вамъ грамматикки тетрадка.
 Ее вы знаете такъ шатко,
 Что молодежь вы, напримѣръ,
 Писать хотѣли съ буквой еръ.

Одинъ изъ БУТАФОРОВЪ (разсматривая пузырь, на
 которомъ стоитъ фигурка.)

А шаръ у васъ какъ будто пыльный.
 Я пыль смахну. (Подноситъ метелку.)

ФИГУРКА.

Не трогай! Ай!

(Бутафоръ дотрогивается до пузыря метелкой;
 пузырь лопается; стеклянный юноша падаетъ
 и разбивается въ дребезги.)

ГОЛОСА.

Э! Да подъ нимъ пузырь-то мыльный!
 Ну, юный труженикъ, прощай!

СПИНОРЪ.

Ну, эти бранные останки
 Скорѣе надобно подмести,
 Куда нибудь подальше снести
 И бросить.... Нѣтъ-ли тутъ лоханки?

(Приносятъ лоханку и въ нее бросаютъ стеклян-
 ные осколки)

ОДНОКРЫЛЫЙ ГОЛОВАСТИКЪ

(летитъ верхомъ на помелѣ.)

Говорятъ, что я зараза;
 Нѣтъ, я просто дутикъ, фраза
 Объ одномъ кривомъ крылѣ
 И лечу на помелѣ.
 Мнѣ летать совсѣмъ неловко:
 Безобразная головка
 Велика и тяжела,

Такъ къ землѣ меня и тянетъ....
 Скоро слялъ моихъ не станетъ
 Пролетѣтъ безъ помела.

СПИНОРЪ

(снимаетъ съ елки уцѣльвшее отъ балета «Силь-
 фиды» крыло.)

Прицѣпить вамъ съ боку дайте
 Это старое крыло,
 Бросьте ваше помело
 И на крыльяхъ полетайте!

(Бутафоры прицѣпляютъ къ головастику крыло;
 онъ влетаетъ въ толпу; всѣ отмахиваются
 отъ него.)

БОЛЬШОЙ ЧЕРСТВЫЙ ЛОМОТЬ

(подкатывается въ припрыжку.)

Хорошенько самъ не зная,
 Отъ какого каравая
 И зачѣмъ отрѣзанъ я,
 Я черствью, я ссыхаюсь,
 Даже плѣсенью покрываюсь.

Доля горькая моя!

Вдругъ нашли во мнѣ не мало
 И мякины я закала,

Стали мнѣ глаза колоть.

Думалъ я быть пищей модной;
 Оказалось, что негодный

Я отрѣзанный ломоть.

СПИНОРЪ.

Я скажу вамъ противъ воли:
 Прѣсны вы до тошноты,
 Пѣтъ въ васъ вовсе кислоты....
 Вотъ для васъ солонка соли.

(Подаетъ съ елки солонку).

мужичекъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ.
 (въ очкахъ, держитъ на рукѣ сердце, расклевы-
 ваемое двумя коршунами).

Сердце женщины — игрушка,
 Или, лучше, бездѣлушка.

Посмотрите, какъ его

Злые коршуны терзаютъ;

Кровожадные не знаютъ

И за что, и для чего.

Путь женщины эмблема.

Превосходнѣйшая тема,

Хоть, къ несчастью, не моя.

Переводчикъ тутъ лишь я.

Но я самъ талантъ громадный

Я имѣю. Я поэтъ.

И при томъ поэтъ всеядный.

Вотъ ужъ сорокъ слишкомъ лѣтъ,

Какъ моя бряцаетъ лира.

Медъ беру со всѣхъ сторонъ:

То изъ греческаго міра,

То изъ Гете и Шекспира....

Жиранденъ и Кальдеронъ

Мнѣ доступны въ равной мѣрѣ.

Но когда въ своей я сферѣ,—

О, тогда мнѣ равныхъ нѣтъ....

Вотъ ужъ сорокъ слишкомъ лѣтъ

Я пою любовь и розы,
Перси, плечи, взоры, грезы,
Трели, пѣсни соловья,
Трудолюбье муравья,
Косогоры и овраги...
Перевель я тьму бумаги.
Я — то нѣженъ, то жестокъ;
То въ блаженствѣ утопаю,
То азартно обличаю (*)
Тульскій маленькій листокъ
Въ грамматическихъ ошибкахъ,
То мечтаю объ улыбкахъ...
Но особенно въ стихахъ
Пѣть люблю мою я Мери,
И томленіе, и страхъ,
Какъ я жду ее у двери,
Иль хожу съ ней въ цвѣтникъ;
Пѣть люблю я, какъ въ рукѣ
Мери держитъ мило лейку,
А межъ тѣмъ вдругъ къ ней на шейку
Сядетъ дерзкая блоха...
Обаяніе стиха
Моего необычайно.
Одаренъ я чрезвычайно.
(Глаза мужичка жадно оглядываютъ елку.)

СИНЬОРЪ.

Очень радъ я, очень радъ!
Это слышать все отрадно.
Но зачѣмъ впился такъ жадно
Въ елку вашу, скажите, взгляды?
МУЖИЧОКЪ СЪ ЛОКОТОКЪ.
Своего ищу портрета.

СИНЬОРЪ.

Нѣтъ его здѣсь.

МУЖИЧОКЪ СЪ ЛОКОТОКЪ.

Странно это!

Мой портретъ вездѣ найдти
Можно по три экземпляра,
Лишь къ Осбергу, къ Даціаро
Только стоило-бъ зайти,
Иль въ другіе магазины,
Гдѣ на окнахъ есть картины.
Стыдно-съ, очень стыдно вамъ!

СИНЬОРЪ

(снимаетъ съ елки рамку.)

Вотъ я рамочку вамъ дамъ;
Вы въ нее портретъ свой вставьте,
Да сюда скорѣй доставьте,
Мы и выставимъ его.

МУЖИЧОКЪ СЪ ЛОКОТОКЪ.

Это вотъ умѣй всего.

(Жметъ синьору руку.)

Очень буду благодаренъ.

Я хочу быть популяренъ.

(Беретъ рамку, раскланивается и уходитъ.)

(*) См. Автрактъ 1864 г., послѣдніе два №№.

ОТЧАЯННАЯ, ИЗМОЖЕННАЯ И РАСТРЕПАННАЯ
ФИГУРА СЪ СКРИПКОЙ.

Меня зовутъ «Орфей въ аду»,
Но отъ меня скелетъ остался.
Въ горячкѣ бѣлой я, въ бреду,
Въ грязи, въ туманѣ и въ чаду,
Весь измарался, изломался.
Отъ кавардака, ерунды
Пришлось мнѣ куда какъ плохо!
Какъ будто мутной кто воды
Ушатъ вкатилъ въ меня вдругъ *сбреха*.
Мой Стиксъ аркадскимъ принцемъ сталъ,
А прежде царь былъ беотійскій...
Все искажитель нашъ россійскій,
Чтобъ *чортъ* за то его *побралъ* (*):
Такъ оскотленъ я, такъ изгаженъ,
Что самому подумать — страхъ.
Взглянувъ, какъ я обезображенъ,
Вздыхнулъ бы бѣдный Оффенбахъ!

СИНЬОРЪ.

Чтобы очистить вамъ натуру
И организмъ возстановить,
Въ день по три раза надо пить
Вамъ рюмкой вѣнскую микстуру.
Она вамъ свѣжесть возвратитъ
И прежній цвѣтъ, и прежній видъ.
Полезенъ вамъ и листъ лавровый,
У насъ обиліе его.
Онъ самый матерьялъ дешевый
И намъ не стоитъ ничего.
Вотъ съ елки вамъ вѣнокъ огромный,
Теперь онъ старъ, завялъ и сухъ;
Онъ даръ признательности скромной
Пѣвцу отъ нѣсколькихъ старухъ.
(Снимаетъ съ елки и подаетъ вѣнокъ.)

КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ ОВЕЧЬЕЙ ШУБѢ (съ лукошкомъ въ рукѣ).

У лукоморья дубъ зеленый,
Стоитъ село большое тамъ.
Зосима я, мужикъ смышденый,
Хожу по барскимъ все домамъ.
Приду-ль къ помѣщичь — буяню,
Приду-ли къ барину — сгублю,
Перебрано лакеевъ, няню;
Сестру ужъ очень я люблю.
Дана душа мнѣ *человѣчья*,
Ее въ лукошкѣ я держу —
Коли хотите, покажу —
Да *шуба*-то на мнѣ *овечья*.
А я вамъ вотъ что доложу:
Меня по шубѣ всѣ признали,
Да и подсмѣиваться стали.
Такъ нѣтъ-ли тутъ у васъ другой,
Тамъ что-ли скотсвой какой,
Или енотовой хоть шубы?

СИНЬОРЪ.

А у тебя не дуры губы.

Нѣтъ, коли хочешь, вотъ влѣзай

(*) Слова, напечатанныя курсивомъ, принадлежатъ автору русской передѣлки «Орфея въ аду».

Въ медвѣжь ю шубу—и ступай.
 Мужикъ вѣдь ты къ тѣму-жъ смышленный.
 Пугай по барскимъ всѣхъ домамъ
 У лукоморья, словомъ, тамъ,
 Гдѣ дубъ большой растеть зеленый.

(Съ елки снимаютъ чучелу медвѣдья изъ водоемла «Медвѣдь и ялемянница»; Зосима влѣзаетъ въ медвѣжью шкуру и скрывается въ толпѣ).

ЛЯГУШКА СЪ ГОЛОВОЙ СВЕРЧКА *(скачетъ)*.

Ква, ква, ква! *Байкаль! Байкаль!*
 Ква, ква, ква! Пустякъ, гнилушка!
 Ква, ква, ква! *Оригинал!*
 Ква, ква, ква! Сверчокъ-лягушка!
 Ква, ква, ква! Я весь порокъ,
 Ква, ква, ква! Внутрл, снаружл.
 Ква, ква, ква! Едва-ли хуже
 Ква, ква, ква! Бывалъ звѣрокъ?
 Ква, ква, ква! *Оригинал!*
 Ква, ква, ква! Я фразъ осадокъ,
 Ква, ква, ква! Себѣ я гадокъ!
 Ква, ква, ква! *Байкаль! Байкаль!*

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

Ничего ему не надо.
 Бейте гада! Бейте гада!

(Всѣ накидываются на уродца, юркнувшаго въ толпу).

СТАРИКЪ—ХОРИСТЪ.

Престарѣлый я хористъ.
 Выжилъ вѣкъ съ сюртучной парой;
 Прежде былъ порядокъ старый!
 Мой сюртукъ приличень, чистъ,
 Въ пемъ ходилъ ко всѣмъ я смѣло,
 И по дѣлу и безъ дѣла.
 Ну, теперь совсѣмъ не такъ,
 Время новое настало —
 И понадобился фракъ.
 Дѣ, безъ фрака толку мало!
 Нужно что, такъ шлешь жену;
 Самому ужъ—не дорога.
 Ну, а денегъ такъ же много,
 Какъ бывало въ старину.
 Такъ войдите-жъ въ положенье...

СИНЬОРЪ

(Снимаетъ съ елки заплатанный фракъ).

Вотъ возьмите для попенья
 Фракъ поношенный пока.
 Онъ похуже сюртука,
 О которомъ говорите
 И въ которомъ вы стоите
 Передъ нами; ну, да вамъ
 Онъ вѣдь нуженъ для парада.
 Въ этомъ фракѣ все какъ надо,
 Фалды есть и по поламъ
 Вдоль прорѣзаны... Возьмите
 И, при случаяхъ, носите.

СТАРИКЪ—ХОРИСТЪ.

Благодаренъ за совѣтъ.
 Былъ бы фракъ! Мнѣ дѣла нѣтъ,

Что разорвачъ, неопрятенъ,
 Есть-ли пятна, нѣтъ-ли пятенъ.

(Кланяется, беретъ фракъ и уходитъ).
 МАЛЕНЬКАЯ КРИВЛЯ ШМЕЛЕОБРАЗНАЯ ФИГУРКА *(съ огромной книгой подъ мышкой выдѣлываетъ solo изъ «pas de Fellah»)*.

Малъ малешенекъ я съ виду.

А себя не дамъ въ обиду

Я на всякаго пушусь.

Только жаль, что кривъ вотъ глазомъ:

Жало выпущу я разомъ,

А навѣрно промахнусь.

ГРОЗНАЯ ЖЕНЩИНА *(съ поднятымъ къверху мечемъ)*.

Я «Юднѣ», герой-еврейка.

Ваша публика-злодѣйка

Не идетъ смотрѣть меня;

А вѣдь все за Олоферна,

Потому что на коня

Онъ всегда садится скверно.

Музыкальныхъ же красоть

Не пойметъ моихъ лишь тотъ,

Въ комъ нѣтъ вкуса, нѣтъ смекалки.

Кто полюбѣйшій идиотъ,

Иль, вѣрнѣе, просто скоть.

Эти люди очень жалки!

Всѣ мои надежды—сонъ!...

Не помогъ мнѣ и виссонъ.

То, что Русскимъ не родное,

Всѣмъ имъ кажется худымъ.

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

«Все великое земное

«Разлетается, какъ дымъ».

СИНЬОРЪ.

Вотъ вамъ, грозная вдова,

Олоферна голова.

Вы на ней свой гявъ сорвите,

Ну, а насъ ужъ пощадьте!

(Достаетъ съ елки голову изъ палье-маше и отдаетъ грозной женщицѣ, которая съ жадопостью схватываетъ ее и убитаетъ за кулисы).

ТОЛПА НЕОПРЯТНО ОДѢТЫХЪ ФИГУРЪ.

Всѣ мы здѣсь полны надеждъ

И пришли просить одеждъ,

Не роскошныхъ, не отличныхъ.

Но фасонистыхъ, приличныхъ.

Хоть на время, на прокатъ.

Мы покорнѣйше васъ просимъ.

А когда мы ихъ износимъ,

Возвратимъ сейчасъ назадъ.

На подарки издержались

И безъ средствъ совсѣмъ, остались...

ГОЛОСЪ ИЗЪ ОРКЕСТРА.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

СИНЬОРЪ.

Что тамъ за крикъ?

СТОРОЖЪ ИЗЪ ОРКЕСТРА.

У синьоры Паппендикъ

Арфу въ дребезги разбили,
А, небось, не заплатили.

ФИГУРЫ (къ сторожу).

Ты, мой другъ, сошелъ съ ума
Намъ до арфы что за дѣло?

СТОРОЖЬ.

Арфа, стало быть, сама
Съ мѣста на полъ полетѣла?

ФИГУРЫ.

Очень можетъ быть. Она
Это лучше знать должна.

СИНЬОРЪ.

Платья скудень здѣсь запасъ;
Вотъ для каждаго изъ васъ
По орѣху, не простому,
По орѣху золотому.

*(Снимаетъ съ елки и раздаетъ золотеные орѣхи,
фигуры берутъ и съ досадой уходятъ.)*

ГОЛОСА ВЪ ТОНИ.

Да отъ чего же это вдругъ
Всю потемнѣло такъ вокругъ?

ДРУГИЕ ГОЛОСА.

Взгляните къ верху! Надъ вершиной,
У самой елки, паутиной
Покрыто все и въширь и вдоль.

ПЕРВЫЕ ГОЛОСА.

Ахъ, это пьесой новой, что ль?

ВТОРЫЕ ГОЛОСА.

Нѣтъ, не пѣса то, а манна.
Должны хвалить мы непрестанно
Ея творца, снѣбора Манна,
И тотъ достойнѣйшій журналъ,
Который ходъ большой ей далъ.

ПЕРВЫЕ ГОЛОСА.

Спустилась ниже.

ВТОРЫЕ ГОЛОСА.

Не на насъ-ли?

Вонъ свѣчи верхнія погасли.

(Паутина огромнымъ толстымъ лоскутомъ спускается все ниже и касается уже потолка. Свѣчи гаснутъ. На сцену дѣлается темно.)

ГОЛОСА ВЪ ТОНИ.

Да такъ и есть. Дегла на насъ.

Рвать, рѣзать, жечь ее сейчасъ! —

Бѣда! — Она все свѣчи тушить! —

Бѣда! — Она насъ передошлетъ! —

Тяни же въ верхъ ее за край! —

Поглибли мы! — Бѣда! — Ай, ай! —

АВТОРЪ *(выльзается изъ стоявшаго въ сторону
дивана и протираетъ глаза.)*

Что вдругъ за шумъ? Что здѣсь такое?

И визгъ, и крикъ, и дискъ, и стоны!

Прервали самый сладкій сонъ?

И не могли мнѣ дать покоя!

Всѣ сновидѣнья красоты

Исчезли.... Экие скоты!

Что здѣсь такое приключилось?

ГОЛОСА.

Да паутина вотъ спустилась

И все покрыла вдругъ собой; —

Ну, шумъ и сдѣлался такой.

*(Изъ прорванной въ раздѣлахъ мѣстахъ паутины
начинаютъ показываться тамъ и сямъ головы;
наконецъ всю ее разрываютъ на клочки, сме-
таютъ въ кучу и выбрасываютъ за кулисы; все
оправляется и отрываются отъ пыли.)*

СИНЬОРЪ *(помытый и покрытый вездѣ слѣдами му-
стой пыли; оправившись, подошелъ и въ выльз-
шему изъ дивана автору.)*

Мы ваши грезы прервали.

Ну, хорошо-ли почивали?

Что-жъ сновидѣнья вамъ дало?

АВТОРЪ.

Да кое-что понаплыло.

СИНЬОРЪ.

Такъ поскорѣй намъ расскажите,

А я велю, когда хотите,

Зажечь сейчасъ все свѣчки Эй!

АВТОРЪ.

Нѣтъ, обойдемся безъ свѣчей.

Вы знаете, я врагъ ругины

И повзлзною дорожу.

Я вамъ туманныя картины

Теперь покаместъ покажу.

СИНЬОРЪ.

Повѣсить тутъ кусокъ холстины!

АВТОРЪ *(къ толпѣ.)*

Да только вотъ что, господа,

Ужъ вы потише посидите,

Не говорите, не шумите....

ГОЛОСА.

О непременно! — Какъ же! — Да! —

*(Буафоры приносятъ и натягиваютъ большой
холстъ, за которымъ скрывается авторъ: и
Куизъ наводитъ на холстъ электрический свѣтъ;
на холстъ является большой свѣтлый кругъ.)
Въ кругу показывается пустынный; онъ сидитъ
на камушкѣ и кормитъ собравшихся вокругъ
него цыплятъ.*

АВТОРЪ ИЗЪ ЗА ХОЛСТИНЫ *(говоритъ изъ пустышки.)*

Года бегутъ, что день, слабеютъ силы,

И стынеть кровь, и стали сохнуть жилы.

Духъ бодръ во мнѣ; плоть немощна, слаба.

Прости, Господь, за болтовню раба!

Мечтанія духъ суетный навѣялъ,

Но жизни цвѣтъ мой скоро отцвѣтетъ

*И все, что видела я, что сама содеяла,
Со мной въ мозгахъ, быльемъ поростеть.*

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Какую истину речеть!

АВТОРЪ ИЗЪ ЗА ХОЛСТИНЫ.

Труждаюсь я, молось неутомимо.
Кто мит и зепрь безтрепетно идетъ.
Вотъ видите: дытъ, дытъ, дытъ.

СИНЬОРЪ.

Мимо!
Пустынный исчезаетъ; въ свѣтломъ кругу яв-
ляется фигура сидящей и раскачивающейся на
всѣ стороны старухи: сидитъ она на скамейкѣ;
на юловъ шмыгъ.

АВТОРЪ ИЗЪ ЗА ХОЛСТА (говоритъ за старуху.)

Я старуха, говоруха,
Сказываю сказку
Про кушца Тараску.
Получилъ онъ таску;
Послѣ этой таски
Облѣ Тарасъ въ салазки.
Ужъ онъ въжалъ, въжалъ,
Землю всю обѣжалъ,
Къ мѣсту не дожалъ.
Вотъ стоитъ творило,
Вырлянуло рило,
Глядь—то кумъ Вавила...

Что это я заородила?

Выдаюсь минута,
Глядь-поглядъ, къ окну-то
Подошла Васюта.
Повернулъ онъ круто...

Что я вру-то, вру-то?

Бѣсъ-то, вѣстимо,
Въ избу Ефима
Ходятъ незримо
Въ видѣ налима...

СИНЬОРЪ (съ дасидой и въ полуснѣ.)

Мимо!

Старуха исчезаетъ. Публика въ зрительной зал-
лѣ и всѣ подходящіяся на сцену начинаютъ
постепенно засыпать. Въ свѣтломъ кругу яв-
ляется фигура бородача въ персидскомъ ко-
стюмѣ, бѣгающаго за дѣвуркой.

АВТОРЪ ИЗЪ ЗА ХОЛСТА.

Поздно ночью изъ похода
Возвратился воевода;
Вздумалъ дѣвку онъ поймать,
Началъ дѣвку щекотать.
Дѣвка плачетъ и хохочетъ,
Воевода, знай, щекочетъ,
Отъ злодѣйства онъ не прочь.
Дѣвкѣ стало ужъ не въ мочь
Смерть ея неодолима....

СИНЬОРЪ (во снѣ, слабымъ голосомъ).

Мимо!

ГОЛОСЪ АВТОРА ИЗЪ ЗА ХОЛСТА.

Что-жъ нѣтъ поддержки, поощренья?
Не слышу знаковъ одобренья.

Молчаніе.

АВТОРЪ (выходя изъ за холста и видя, что все спитъ).

Что вижу я? Да здѣсь кругомъ
Объято все крѣпчайшимъ сномъ.
Какъ это видѣть мнѣ отрадно!...
Однако, чортъ возьми, досадно!
Какъ это я дался въ просакъ?
Ну, хорошо! Ужъ если такъ,
Пойду-же я опять къ дивану,
Прекрѣжимъ сномъ засну на немъ
И наслаждаться свамп стану,
Чтобъ въ ночь забыть, что было днемъ.

(Влизаетъ въ диванъ и снова засыпаетъ).

На сценѣ и въ зрительной залѣ водворяется
глубокая тишина; изъ правой крайней ложки бе-

нуара выходитъ домовой.

домовой (съ фонаремъ въ рукѣ обходитъ сидящую

въ зрительной залѣ публику.)

Я въ театрѣ этомъ

Ужъ давно брожу,—

И зимой, в лѣтомъ.

Дай-ка погляжу.

Публика родная!

Что ты здѣсь сидишь?

Гостя дорогая!

Да никакъ ты спишь?

Такъ и есть заснула

Крѣпко, глубоко!

Видно, сномъ подуло

Больно не легко!

Соннаго намъ зелья

Некуда дѣвать!

Нѣтъ ей тутъ веселья,

Ходить тосковать.

Сномъ тоска уймется.

Почивай себѣ!

Скоро-ли вздохнется

Легче здѣсь тебѣ?

Вѣдь радѣльцевъ мало

По дѣламъ твоимъ.

Нынче меньше стало

Вотъ еще однимъ.

Малъ листокъ былъ съ виду,

Важень не бывалъ;

А тебя въ обиду

Даромъ не давалъ.

Вкусъ твой, интересы

Онъ всегда берегъ,

Пошляя піэсы

Гналъ на сколько могъ.

Будь на все готова!—

Какъ впередъ узнать?—

Ты Зугъ-Зуговъ снова

Можешь увидать.

Не пускай далече

Ты свои мечты!

Приготовься къ встрѣчѣ

Съ трупной моею ты.

Иль съ двурогимъ, чуднымъ
Страшнымъ пѣтухомъ...
Спи-же непробуднымъ
Богатырскимъ сномъ!

На свѣтломъ кругу растянутаго холста явля-
ются слова:

« АНТРАКТЪ.

ГОДЪ ТРЕТІИ. »

Спящіе на сценѣ начинаютъ бредить.

ГОЛОСА.

- Что вижу я? Антрактъ вдругъ ожилъ!
- Какъ глупый сонъ меня ветревожилъ.
- *Антрактъ, годъ третій*: это вздоръ,
- Ужъ объ Антрактѣ конченъ споръ.
- Неужто говоръ общій ложенъ.
- Антракта нѣтъ! Онъ невозможенъ.
- Я помѣстилъ ужъ въ фелетонѣ...
- Нѣтъ, это только гадкій сонъ!
- Антрактъ живетъ! — Антрактъ выходитъ!
- Да на меня столбнякъ находить!
- Все это вижу я во снѣ!
- Какая мерзость снится мнѣ!

домолой (ходитъ между спящими по сценѣ.)

Шумъ, переполоха!

Отъ какихъ бы бѣдъ?

Эхъ, куда какъ плохо!

Словно дѣтскій бредъ!

Стыдно заниматься

Всеякимъ пустякомъ!

Полно вамъ тягаться

Съ маленькимъ листкомъ!

Будете-ль задѣты

Въ немъ въ иногда,

Дастъ-ли онъ совѣты —

Экая бѣда!

Вамъ бы знать лишь дѣло,

Да о немъ радѣть,

Чтобъ могли вы смѣло

Воѣмъ въ глаза глядѣть!

Гнаться-ли за словомъ?

Надо, чтобы въ хоцъ

Съ каждымъ шагомъ новымъ

Дѣло шло впередъ;

Шло бы хоть не бойко,

Да прямымъ путемъ —

Сколько силъ есть, стойко,

Бейтесь вы о томъ!

Избѣгайте ломки,

Коль нужды въ ней нѣтъ...

Вѣдь не все-жъ потемки;

Будетъ же и свѣтъ!

Не повѣть.

С М Ъ С Ъ.

— Изъ оперныхъ новостей на московской сценѣ, какъ слышно, насъ ожидаетъ на дняхъ бенефисъ г-жи Фабіанъ-Біанки, на которомъ пойдетъ знаменитая опера Мейербера *Гугеноты*. Предполагается также къ постановкѣ опера Галеви *Моллія*, никогда еще неизгнанная ни на одной русской сценѣ. Опера эта, вмѣстѣ съ *Жидовкою*, почитается лучшимъ произведеніемъ Галеви и въ Парижѣ ее избрали для празднованія юбилея этого композитора. Кромѣ своего музыкальнаго достоинства, она замѣчательна и по своей постройкѣ: эта трехактная опера имѣетъ всего только четыре дѣйствующихъ лица и не имѣетъ вовсе хоромъ. Не смотря на это, опера пользуется повсюду большимъ успѣхомъ, гдѣ только ее ни давали. Въ скоромъ времени дана будетъ также *Марта* Флотова, въ которой главную роль будетъ занимать г-жа Александрова. Изъ драматическихъ бенефисовъ въ нынѣшнемъ сезонѣ будутъ еще два: г. Садовскаго и г-жи Савиной. На первомъ изъ этихъ бенефисовъ будетъ дана новая комедія М. Н. Владыкина *Тестъ въ бидлѣ, а зять въ накладѣ*, служащая продолженіемъ другой его комедіи *Купецъ-лабазникъ* и въ нынѣшнемъ же сезонѣ предполагается къ постановкѣ новая пѣса А. Θ. Писемскаго *Самоправцы*, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, служащая какъ бы первою частью его трилогіи, въ которой каждая часть составляетъ отдѣльную, самостоятельную пѣсу. 2-я часть называется: *Коршуны тридцатыхъ годовъ*; а 3-я — *Итенцы послѣдняго лета*. Изъ балетныхъ бенефисовъ будутъ даны бенефисы г-жъ Собещанской и Гранцовой. Составъ ихъ еще неизвѣстенъ.

— Одобрена къ представленію литературно-театральнымъ комитетомъ и театральною цензурою: *Саламейскій алькадъ*, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. Донъ Педро Кальдерона де-ла Барка, переводъ съ испанскаго С. Костарева.